

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ

ДУХОВНОМУ ВЪСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

15 іюня—1-го іюля № 12—13 1899 года.

С Л О В О

къ воспитанникамъ Тифлисской духовной семинаріи по окончаніи 1898, учебного года.

Итакъ учебный годъ закончился... Одни перешли въ слѣдующіе классы, другіе окончили среднее духовное образованіе и изъ этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, которые, быть-можетъ, продолжать образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, — всѣ остальные вступаютъ въ новую жизнь... Изъ жизни школьной, ученической, гдѣ, обыкновенно, юношескія мысли витаютъ въ сферѣ идеальныхъ стремленій, изъ жизни обеспеченной и беззаботной, какъ вольныхъ птичекъ, — въ жизнь трудовую, въ жизнь суетную, гдѣ борьба за существованіе, борьба лихорадочная очень часто отодвигаетъ на задній планъ многое изъ духовно-спасительнаго, возвышенно-идеальнаго... Посему въ настоящую минуту не излишни будутъ для васъ въ особенности добрый совѣтъ и искреннее благожеланіе. Какъ бы тяжела ни была эта житейская борьба, какъ бы печально ни сложились житейскія обстоятельства, — твердое и благодушное терпѣніе, непрерывный честный трудъ и добрая христіанская молитва да будутъ постоянными спутниками многотрудной жизни вашей. Знанія, пріобрѣтенныя вами въ духовной школѣ, да послужатъ вамъ краеугольнымъ камнемъ, прочнымъ основаніемъ, фундаментомъ для дальнѣйшихъ построекъ, дальнѣйшей самодѣятельности, самообразованія, саморазвитія въ добромъ христіанскомъ направленіи — руко-

водительнымъ началомъ при общественной, а для большинства изъ васъ—пастырской дѣятельности.

Заговорилъ я здѣсь о самодѣятельности и самоусовершенствованіи собственно потому, что часто видимъ печальные примѣры совершенно обратнаго явленія, примѣры застоя и даже регресса. Тотъ окончилъ семинарію, да еще со званіемъ студента,—и не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ опустился до неузнаваемости: старое школьное забылъ, новаго не приобрѣлъ. Все идеальное, возвышенное изъ него, такъ сказать, выдохнулось, улетѣло и осталась одна житейская суетливость и связанная съ нею вѣчное недовольство, вѣчныя жалобы, вѣчное „киданіе“ съ мѣста на мѣсто и т. п. Какъ видите, явленіе весьма печальное. А чтобы его не было, необходимо, вступивъ въ жизнь и взявшись за дѣло съ охотой и рвеніемъ, подружиться съ хорошими людьми, умными книгами и такъ работать во славу Божию до конца дней своихъ.

Наконецъ, еще одно слово ко всѣмъ, какъ тѣмъ, которые окончили образованіе, такъ и тѣмъ, которые пользуются пока лишь однимъ лѣтнимъ отдыхомъ, каникулами. Вы теперь уѣдете и разсѣетесь по всѣмъ уголкамъ нашего края и ваше пребываніе среди народа, среди темнаго, необразованнаго люда можно сравнить съ пребываніемъ или нахожденіемъ драгоценнаго сіяющаго камня въ темномъ мѣстѣ. Блестящій камень и въ темномъ мѣстѣ даетъ о себѣ знать, если только его съ намѣреніемъ не прикрываютъ. Таковое же значеніе возможно и для васъ въ средѣ простаго народа,—значеніе проводниковъ свѣта и добрыхъ христіанскихъ правилъ. Лестныя свидѣтельства, лестные отзывы о васъ, безъ сомнѣнія, доставятъ вашимъ начальникамъ, наставникамъ и воспитателямъ незамѣнимую радость. А напротивъ, не приведи Богъ, чтобы кто-либо имѣлъ основаніе отзываться о васъ съ дурной стороны: „Вотъ, молъ, воспитанникъ духовной школы, и какія дѣла дѣлаетъ“; этого да не будетъ.

Отпускаетъ васъ родная alma mater ваша съ молитвеннымъ напутствіемъ въ дома отцовъ и родныхъ вашихъ, съ пожеланіемъ вамъ добраго пуги, возстановленія силъ за лѣто и благополучнаго возвращенія опять къ обычному труду съ освѣженными силами.

Духовникъ семинаріи свящ. І. Либадзе.

Окончаніе 1898/9 учебнаго года въ Тифлисскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

1-го іюня 1899 г. Тифлиское Епархіальное женское училище закончило благодарственнымъ Господу Богу молебномъ двадцатый со дня открытія своего учебный годъ.

Къ 10-ти часамъ утра изволили прибыть въ училище Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Экзархъ Грузіи. По прибытіи Его Высокопреосвященства, предѣдатель Совѣта училища, священникъ Г. Четыркинъ, членъ Совѣта, священникъ С. Городцевъ и экономя училища, священникъ П. Гамрекеловъ отслужили молебенъ, въ концѣ котораго Законоучитель, священникъ С. Городцевъ сказалъ окончившимъ курсъ воспитанницамъ прочувствованное напутственное слово. По окончаніи молебна, Его Высокопреосвященство въ училищномъ залѣ благоволилъ выслушать докладную записку Инспектора классовъ о результатахъ годичныхъ экзаменовъ, роздалъ аттестаты окончившимъ курсъ, каждой далъ по книжкѣ Новаго Завѣта, за собственноручною подписью, и благословилъ, пожелавъ имъ счастья въ жизни.

По докладной запискѣ Инспектора классовъ А. Альбова, къ началу экзаменовъ за 1898/9 учебный годъ всѣхъ воспитанницъ въ училищѣ было 125, именно: во 2-мъ курсѣ 3-го класса 17, во 2 кл. — 28, въ 1-мъ — 42 и въ приготовительномъ 38. Годичные экзамены держали 119 воспитанницъ; пять не явились къ экзаменамъ по болѣзни и одна не допущена была къ экзаменамъ за невзносъ платы за право ученія.

Воспитанницы, подвергшіяся экзаменамъ, оказали успѣхи, въ среднемъ выводѣ обозначенные балломъ 3,88; неуспѣвшихъ въ училищѣ 10%.

Изъ 38 воспитанницъ приготовительнаго класса — 34 переведены въ 1-й классъ, тремъ назначены переэкзаменовки и одна допущена къ полнымъ экзаменамъ; изъ 42 воспитанницъ 2-го курса 1-го класса переведено въ 1-й курсъ 2-го класса 35 воспитанницъ, пяти назначены переэкзаменовки, одна переведена безъ экзаменовъ по болѣзни, въ виду очень хорошихъ годовыхъ балловъ, и одна уволена по малоуспѣшности; изъ 28 воспитанницъ 2-го курса 2-го класса пере-

ведено въ 1-й курсъ 3-го класса 21, четыремъ — переэкзаменовка, двумъ — полные и дополнительные экзамены и одна уволена, по прошенію родителей.

Всѣ воспитанницы 2-го курса 3-го класса (17), какъ окончившія курсъ училища успѣшно, по силѣ § 111 уст. Еп. ж. училищъ, удостоены званія домашнихъ учительницъ. Первые три воспитанницы, оказавшія отличные успѣхи: Махароблидзе Синклитикия, Чихладзе Домника и Рязанская Павла — удостоены награды первой степени — похвального листа и книги: „Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина“, въ изданіи Павленкова, четыре воспитанницы, оказавшія очень хорошіе успѣхи: Гамзардія Марія, Тодорова Ольга, Саларидзе Софія и Цинцадзе Анна — удостоены награды 2-й степени — похвального листа. Воспитанницамъ, состоявшимъ въ училищномъ хорѣ, постояннымъ чтицамъ въ церкви и церковницъ, въ награду за ихъ труды, выданы 1 экземпляръ „Исторіи дѣтской души“, изданіе К. П. Побѣдоносцева, и 7 экземпляровъ сочиненій А. С. Пушкина, въ изданіи Острогорскаго. На экипировку 8-ми воспитанницъ — сиротъ израсходовано изъ училищныхъ суммъ 160 рублей.

Изъ 17 воспитанницъ, окончившихъ курсъ, 13 — духовнаго званія и 4 свѣтскаго; 13 — грузинокъ, 3 — русскихъ и 1 — осетинка; двѣ содержались на $\frac{1}{10}$ съ капитала, пожертвованнаго училищу Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ Іоанникіемъ, бывшимъ Экзархомъ Грузіи, три — на $\frac{1}{10}$ съ капитала Епархіальнаго духовенства, три — на средства Общества возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ; семь на средства своихъ родителей и двѣ были приходящими.

Выпускъ нынѣшняго года — восьмой отъ основанія училища; въ первомъ выпускѣ — 1885-го года — было 8 воспитанницъ, во второмъ — 1887-го года — 15, въ 3-мъ — 1889-го года — 17, въ четвертомъ — 1891-го года — 30, въ 5-мъ — 1893-го года — 15, въ 6-мъ — 1895 года — 14, въ 7-мъ выпускѣ — 1897-го года — 22 и въ послѣднемъ (восьмомъ) — текущаго года — 17 воспитанницъ.

Въ настоящемъ 1899-мъ году окончили курсъ съ званіемъ домашнихъ учительницъ слѣдующія воспитанницы:

1. Махароблидзе Синклитикия, 2. Чихладзе Домника, 3. Рязанская Павла, 4. Гамзардія Марія, 5. Тодорова Ольга, 6. Саларидзе Софія, 7. Цинцадзе Анна, 8. Бенаева Анна, 9. Деканозова Варвара,

10. Шрейдеръ Анастасія, 11. Абазадзе Нина, 12. Гургенидзе Нина,
13. Кокоева Ксенія, 14. Натроева Ольга, 15. Ахалшенова Анна,
16. Чиджавадзе Нина и 17. Рѣшетникова Анастасія.

Инспекторъ классовъ *А. Альбовъ*.

Пушкинскій праздникъ въ Тифлисской духовной Семинаріи.

26 мая с/г. Тифлисская духовная Семинарія отпраздновала столѣтіе со дня рожденія великаго поэта Русской земли А. С. Пушкина. Въ этотъ день заупокойная литургія и послѣ оной панихида по усопшемъ поэтѣ въ домово́й церкви Семинаріи были отслужены соборнѣ инспекторомъ Семинаріи, іеромонахомъ о. Димитріемъ. Въ семинарской церкви, помимо преподавателей, воспитателей, воспитанниковъ Семинаріи, учениковъ образцовой при ней школы и множества посторонней публики, присутствовали ученицы Тифлискаго Епархіальнаго женскаго училища, во главѣ съ начальницею училища Н. Н. Трофимовою и воспитательницами его. По окончаніи литургіи инспекторъ Семинаріи, іеромонахъ о. Димитрій произнесъ глубоко прочувствованное слово по поводу пушкинскаго торжества. Содержаніе этого слова приблизительно таково: „Многочисленное отечество наше съ особеннымъ душевнымъ волненіемъ ожидало наступленія нынѣшняго праздника, дабы въ этотъ день достойнымъ образомъ почтить память своего великаго сына. Ровно сто лѣтъ тому назадъ въ велико-русскомъ г. Москвѣ, въ барской семьѣ родился Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, на котораго благоугодно было Творцу всѣхъ вещей возложить святое, но трудное и отвѣтственное дѣло возвращенія родной странѣ сердце ея чады, отторгнутыхъ мишурнымъ блескомъ просвѣщенія гордаго Запада. Въ 18 вѣкѣ предки наши начали ближе знакомиться съ западными народами и, увлекшись внѣшнею красотою ихъ жизни, плѣнились ими. Въ рабскомъ подчиненіи своемъ Западу русское передовое общество, незамѣтно для себя, оторвалось отъ родной почвы. Могучая сила, образность звучной русской рѣчи становились для него недоступными; простое, богатое сердце русскаго человѣка не понималось, не цѣнилось имъ; святая вѣра, святое православіе, которымъ дышала и дышетъ вся Русь, представлялось ему чѣмъ-то чуждымъ, мѣшавшимъ распространенію въ

странѣ просвѣщенія. Казалось, что Россія должна была распасться на два совершенно чуждыхъ, враждебныхъ другъ другу лагеря....

Но вотъ, по мановенію Божію, возстають русскіе богатыри, вступаютъ въ борьбу съ ненормальнымъ явленіемъ русской жизни и побѣдоносно возвращаютъ сердца увлеченныхъ народу. Среди этихъ благородныхъ борцовъ первое мѣсто должно быть отведено нынѣ чествуемому поэту. Онъ своимъ чуднымъ звучнымъ стихомъ заставилъ своихъ современниковъ полюбить рѣчь русскую, заставилъ ихъ сблизиться съ народомъ, взглянуть поглубже въ сердце народа, полюбить и прислушиваться къ біенію этого сердца и жить съ нимъ одною жизнью, жизнью православнаго человѣка. Недолго жилъ нашъ поэтъ. Западъ въ лицѣ его увидѣлъ сильнаго врага и постарался преждевременно отнять его у насъ. Но великое дѣло единенія съ народною жизнью и пробужденія чисто самобытной русской мысли было достигнуто поэтомъ, и результатомъ его дѣятельности явились достойные его преемники—Гоголи и Достоевскіе. Въ благодарность за совершенный поэтомъ подвигъ св. Русь помнитъ и будетъ присно помнитъ своего великаго сына. Она въ настоящій день, въ столѣтнюю годовщину его рожденія, призываетъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ чадъ къ единокупной молитвѣ объ упокоеніи его души. Откликнемся и мы на зовъ нашего отечества, дорогіе питомцы, тепло помолимся объ упокоеніи души боярина Александра и всеусердно будемъ умолять Промыслителя—Творца, дабы земля наша не оскудѣвала великими людьми, чтобы на Руси святой не переводились великіе Пушкины, могучіе Гоголи и православные Достоевскіе. Аминь.“ По окончаніи панихиды всѣ присутствованіе въ храмѣ направились въ актовую залу Семинаріи, гдѣ, среди портретовъ, украшенныхъ цвѣтами и зеленью, выдавался портретъ Пушкина, на которомъ красовалась надпись церковно-славянскими буквами, характеризующая литературную дѣятельность поэта: „*Вельмлю Божію, о муза, будь послушна*“.... Актъ начался пѣніемъ тропаря: „Днесъ благодать Святаго Духа“, вслѣдъ за которымъ послѣдовали чтеніе воспитанниками Семинаріи избранныхъ стихотвореній поэта и исполненіе нѣсколькихъ пѣсень его же, переложенныхъ на ноты. На актѣ преподаватель Тифлисской духовной Семинаріи и инспекторъ классовъ Епархіальнаго женскаго училища, с. с. А. П. Альбовъ познакомилъ слушателей и слушательницъ съ религіозно — нравственнымъ міросозерцаніемъ поэта въ особой

глубокопрочувствованной рѣчи, составленной съ знаніемъ дѣла, вполнѣ основательно. ¹⁾).

Поистинѣ, дорогъ А. С. Пушкинъ для каждой народности, входящей въ составъ великаго Русскаго государства, въ частности и для православнаго грузинскаго народа, жившаго въ прошломъ подъ знаменемъ дорогихъ для Россіи единойдержавія и православія, для грузинскаго народа, имѣющаго въ этомъ отношеніи духовное сродство съ русскимъ народомъ. Въ лучшую пору своей поэтической дѣятельности безсмертный геній русской поэзіи А. С. Пушкинъ познакомился съ православною Грузію, съ ея лучшими сынами и воспѣлъ въ своихъ очаровательныхъ и звучныхъ стихахъ восхитительныя красоты ея прекрасныхъ долинъ, высокихъ горъ и „бурныхъ ея потоковъ рожденъ“. Онъ первый изъ русскихъ поэтовъ заговорилъ о Грузіи въ русской литературѣ именно тогда, когда о ней въ Россіи имѣли самыя смутныя, самыя сбивчивыя и невѣрныя представленія... Въ жизни Грузіи и Кавказа его могучій и глубокопроницательный геній открылъ много такихъ чертъ, которыя могутъ возбудить, развить и воспитать въ человѣкѣ чувство прекраснаго, благородную идею эстетической красоты... Посѣтивъ Кавказъ въ кровавую эпоху кавказскихъ войнъ, въ 30-хъ годахъ сего столѣтія, когда ручьями лилась русская кровь для умиротворенія Кавказа, А. С. Пушкинъ предрекъ пророчески всему Кавказу и всѣмъ населяющимъ его народамъ наступленіе свѣтлой и мирной будущности подъ сѣнью двуглаваго русскаго орла, наступленіе такого счастливаго времени, когда сыны Кавказа съ сердечнымъ сожалѣніемъ будутъ читать плачевныя страницы плачевной исторіи о кровопролитныхъ кавказскихъ войнахъ и, благодаря русскому просвѣщенію, свои богатыя природныя дарованія будутъ употреблять на дѣло своего мирнаго преуспѣянія... Грузинская поэзія въ 40-хъ годахъ сего столѣтія подверглась сильному вліянію поэзіи А. С. Пушкина. На грузинскій языкъ стали переводиться лучшія произведенія безвременно погибшаго русскаго поэта, духовно сроднявшаго грузинскую окраину съ великимъ русскимъ отечествомъ и открывшаго русской поэзіи невѣдомую до него область прекраснаго въ жизни Грузіи и Кавказа. Вотъ почему день столѣтней годовщины его рожденія съ такою искреннею радостью и беззавѣтнымъ воодушевленіемъ непри-

¹⁾ Рѣчь эта печатается въ настоящемъ № 12—13.

нужденно был отпразднованъ во всѣхъ, даже глухихъ, мѣстахъ Кавказскаго края, какъ объ этомъ свидѣтельствуя мѣстные повременныя изданія.

И. Перадзе.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его религіозность.

„Велѣнью Божию, о муза, будь послушна“...
„Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ“¹⁾.

Сегодня исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Ал. С. Пушкина, великаго русскаго поэта. Слава, шумно встрѣтившая его при самомъ появленіи его на литературномъ поприщѣ, утвердилась и возросла до небывалыхъ въ Россіи размѣровъ. Московскіе торжества 1880 года, при открытіи памятника А. С. Пушкину, показали, какъ глубоко проникли въ общественное сознаніе уваженіе и любовь къ великому народному поэту. Ив. С. Тургеневъ, присутствовавшій на торжествѣ открытія памятника, пишетъ, что ему привелось слышать, какъ на вопросъ: „Кому этотъ памятникъ“? въ народѣ говорили: „Это памятникъ учителю“²⁾. Въ настоящее время къ чествованію памяти этого учителя призваны всѣ учебныя заведенія обширной и разноплеменной Россіи, а слѣдовательно и духовныя семинаріи. Программою чествованія, удостоенною Высочайшаго утвержденія, приглашена къ молитвѣ и поминовенію и св. Церковь, и это не безъ основанія: *А. С. Пушкинъ былъ истиннымъ сыномъ св. Православной Церкви, человекомъ глубоко - вѣрующимъ, набожно и благоговѣйно относящимся ко всему, что имѣетъ связь съ религіею; его*

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. 2-е изд. Павленкова; стр. 490.

²⁾ Сочиненія И. Тургенева. Изд. Маркса, 1898 г. т. XII, стр. 340.

муза была послушна велѣнію Божію; его лира пробуждаєть въ насъ чувства добрыя и возвышаєть къ небесному.

I.

Справедливость требуетъ сказать, что А. С. Пушкинъ въ лѣта увлекающейся юности, подъ вліяніемъ семьи, школы, французской чувственной словесности и господствовавшихъ въ тогдaшнемъ обществѣ свободомыслія, праздности, разгула богатой молодежи и даже невѣрія, обнаруживалъ и въ своей жизни, и въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ легкомысленныя увлеченія. *но только увлеченія, а не сокровенныя думы, желанія и чувствованія.*

Въ Одессѣ въ 1824 г. Пушкинъ встрѣтился съ однимъ англичаниномъ, у котораго бралъ „уроки чистаго аѳеизма“. „Здѣсь (въ Одессѣ) англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я встрѣтилъ. Система его не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная“ ³⁾, говоритъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ изъ Одессы. Увлеченіе Пушкина „уроками чистаго аѳеизма“ и послужило поводомъ къ весьма тяжкому обвиненію Пушкина — обвиненію въ безбожїи, обвиненію, которое и теперь нерѣдко повторяется многими.

Но проповѣдь англійскаго аѳеиста не имѣла на Пушкина серьезнаго вліянія и не могла сдѣлать его безбожникомъ. Систему аѳеизма онъ называетъ „не столь утѣшительною, и, „къ несчастію“, только правдоподобною.“ Въ письмѣ къ Казначееву, въ томъ же 1824 году, Пушкинъ отзывался о своемъ учителѣ, какъ „прошалагѣ“, а объ ученїи его, какъ „пошлой болтовнѣ“ ⁴⁾. Въ 1826-мъ году Пушкинъ пишетъ В. А. Жуковскому: „Письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія, было причиною ссылки въ деревню“ ⁵⁾. Н. В. Гоголь о называвшихъ Пушкина „не христіаниномъ“ говорилъ: „Какъ будто-бы они побывали въ душѣ Пушкина, точно какъ будто-бы Пушкинъ непременно обязанъ былъ въ стихахъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ.... По ихъ понятіямъ слѣдовало бы все высшее въ христіанствѣ обле-

³⁾ Сочиненія Пушкина, стр. 1431.

⁴⁾ *ibid.*, стр. 1434.

⁵⁾ Сочиненія Пушкина, стр. 1490.

катъ въ рѣшмы и сдѣлать изъ того какія-то стихотворныя игрушки. Пушкинъ слишкомъ разумно поступилъ, что не дерзалъ переносить въ стихи того, чѣмъ еще не прониклась насквозь душа его... Я не могу даже понять, какъ могло придти въ умъ критику печатно, въ виду всѣхъ, возводить на Пушкина такое обвиненіе, и что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта. Публично выставлать не христіаниномъ челоуѣка и даже противникомъ Христа, основываясь на нѣкоторыхъ несовершенствахъ его души и на томъ, что онъ увлекался свѣтомъ такъ же, какъ и всякій изъ насъ имъ увлекался,—развѣ это христіанское дѣло? Христіанинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще темень и можетъ быть истолкованъ на двѣ стороны, станеть говорить о томъ, что ясно, что имъ произведено въ лѣта разумнаго мужества, а не увлекающей юности“⁶⁾.

Къ сказанному Гоголемъ добавимъ, что Пушкинъ былъ великій челоуѣкъ, а великихъ людей нельзя измѣрять мѣркой, пригодной для всѣхъ другихъ, обыкновенныхъ, людей, и требовать отъ нихъ такой же сдержанности въ словахъ и поступкахъ, осмотрительности, смиренія и благоразумія, словомъ, всего того, что требуется отъ людей обыкновенныхъ. Геній и особенно художественный—почти всегда соединяется съ натурой горячей, увлекающей, часто прихотливой и въ мелкихъ житейскихъ дѣлахъ мало разсудительной. Что для простаго челоуѣка проходитъ незамѣтно, что совсѣмъ не волнуетъ его сердца и не беспокоить его ума, это самое можетъ вызвать сильное и глубокое впечатлѣніе у генія. И Пушкинъ, поэтъ гениальный, поэтъ, по жиламъ котораго текла горячая африканская кровь, увлекался заблужденіями свѣта, въ которомъ вращался, но возникавшія въ душѣ его „видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней“ приводили его къ сознанію своихъ заблужденій, и онъ глубоко раскаивался, осуждалъ и даже оплакивалъ свои легкомысленныя увлеченія. Сознаніе заблужденій есть побѣда надъ ними. Рано или поздно душа восторжествуетъ надъ своими заблужденіями, и изъ-подъ житейской накипи проступитъ идеаль истины и добра, глубокая вѣра въ Провидѣніе.

Въ дни чистаго, невиннаго дѣтства, до восьмилѣтняго возраста,

⁶⁾ Выбранныя мѣста изъ переп. съ друзьями Н. В. Гоголя, 1847 г. стр. 108—111.

А. С. Пушкинъ былъ подъ благотворнымъ вліаніемъ няни Арины Родіоновны, простой крѣпостной женщины и, несомнѣнно, религіозной.

Въ стихотвореніи: „Сонъ“ (1816 г.) А. С. Пушкинъ говоритъ:

„Дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье...

Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,

О прелести таинственныхъ ночей,

Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяннѣ,

Она, *духовъ молитвой уклоня,*

Съ усердіемъ перекреститъ меня;

Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины

Чуть освѣщаль глубокія морщины“⁷⁾.

Няня, такимъ образомъ, была для Пушкина урокомъ религіозности: ея молитва и истовое „усердное“ крестное знаменіе запечатлѣлись въ чистой душѣ поэта.

Религіозному развитію Пушкина въ дѣтствѣ, развитію, по крайней мѣрѣ, его ума въ познаніи религіи содѣйствоваль, несомнѣнно, законоучитель его, священникъ Алекс. Бѣликовъ, и уроки по Закону Божію въ лицѣ⁸⁾.

Возвышенному настроенію души поэта содѣйствовалъ также В. А. Жуковскій. Въ стихотвореніи: „Къ Жуковскому“ (1817 г.) Пушкинъ говоритъ:

„Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой

Безмолвный я стоялъ и молнійной струей

Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла

И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла.

Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ трудный путь,

Отважной върою исполнилася грудь“⁹⁾.

Впечатлѣнія первоначальныхъ чистыхъ дней вступали въ борьбу съ легкомысленными увлеченіями юности великаго поэта, и побѣда оставалась въ концѣ концовъ на сторонѣ первыхъ, ибо послѣднія противорѣчили истинной сущности души поэта, на что указываетъ самъ поэтъ въ стихотвореніи 1819 г. „Возрожденіе“.

⁷⁾ Сочиненія Пушкина, стр. 562.

⁸⁾ Странникъ 1899 г., апрѣль: «Изъ мрака къ свѣту» и Правосл. обозрѣніе. 1887 г. мартъ—533 стр.

⁹⁾ Сочиненія Пушкина, 569 стр.

„Художникъ-варваръ кистью сонной
 Картину генія чернить
 И свой рисунокъ беззаконный
 Надъ ней безмысленно чертить.
 Но краски чуждыя, съ лѣтами,
 Спадаютъ ветхой чешуей;
 Созданье генія предъ нами
 Выходить съ прежней красотой.
 Такъ *исчезаютъ заблужденья*
 Съ измученной души моей
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ чистыхъ дней“ ¹⁰⁾.

Въ 1822 году А. С. Пушкинъ писалъ:

„Самолюбивыя мечты,
 Утѣхи юности безумной!..
 Когда на память мнѣ неволью
 Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрагаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ,
 Къ чему, несчастный, я стремился?
 Ахъ, если бъ Лета поглотила
 Мои летучія мечты“ ¹¹⁾.

Въ 1829 году, въ стихотвореніи: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ Пушкинъ говорилъ:

„Вхожу съ поникшею главою..
 Такъ отрокъ Библии-безумный расточитель—
 До капли истощивъ раскаянья фіаль,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главою поникъ и зарыдалъ“ ¹²⁾.

Изъ приведенныхъ стихотвореній видна въ Пушкинѣ двойственность: то онъ „въ законъ себѣ вмѣняетъ страстей единый произволь, съ толпою чувства раздѣляя“, ¹³⁾ то высказываетъ желаніе, чтобъ Лета поглотила его летучія, самолюбивыя мечты; то „среди бури жизни шумной“ пишетъ легкомысленные стихи, то стыдится своихъ

¹⁰⁾ Сочиненія Пушкина, стр. 568.

¹¹⁾ Сочиненія Пушкина, стр. 584.

¹²⁾ Сочиненія Пушкина, 509 стр.

¹³⁾ Сочиненія Пушкина, 307.

идоловъ, когда въ сознаніи его „возникають видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней“, „звуки небесъ“, присущіе его душѣ.

Въ періодъ юности Пушкинъ какъ бы тайлъ въ себѣ благородство своей натуры; „видѣніямъ первоначальныхъ чистыхъ дней“ онъ какъ бы давалъ возможность прежде проясниться въ существѣ его души, хотѣлъ проникнуться ими насквозь, и потому до времени не высказывалъ ихъ; онъ, напротивъ, въ угоду вѣяніямъ вѣка, старался отречься отъ нихъ, даже осмѣять ихъ; добровольно бралъ на себя всякіе пороки и преимущественно тѣ, которые были противоположны „чистымъ видѣніямъ дѣтства“.

Что Пушкинъ любилъ казаться не тѣмъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, можно видѣть изъ сужденій его объ анекдотѣ про англійскаго поэта Байрона. Анекдотъ состоитъ въ томъ, что Байронъ чрезвычайно дорожилъ крестомъ, который подарилъ ему одинъ монахъ въ Аѳинахъ, такъ что никогда съ нимъ не разставался. Но дѣло не въ анекдотѣ, а въ тѣхъ сужденіяхъ, которыми А. С. Пушкинъ его сопровождаетъ.

„Душа человѣка“, говоритъ Пушкинъ: „есть недоступное хранилище его помысловъ. Если самъ онъ тайтъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ это хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями.. Вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ“¹⁴⁾. На эту статью нельзя иначе смотрѣть, какъ на публичное оправданіе самого Пушкина. „Не себѣ ли самому произнесъ приговоръ нашъ поэтъ, произнося приговоръ поэту Байрону“, говоритъ Преосвященный Никаноръ, Архіепископъ Одесскій и Херсонскій: „что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ нашего поэта, какъ и въ душѣ Байрона, скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ?“ „Можетъ быть даже“, продолжаетъ Преосвященный Никаноръ, „что скепти-

¹⁴⁾ Сочиненія Пушкина, 1286—87.

цизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной. Такой приговоръ и въ самомъ дѣлѣ произнесъ о немъ, тотчасъ по его смерти, ближайшій и умнѣйшій другъ его, князь Вяземскій: „Пушкинъ никогда не былъ умъ твердый (въ смыслѣ ума твердо скептическаго), по крайней мѣрѣ не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей, напротивъ онъ имѣлъ сильное религіозное чувство“ ¹⁵).

А. С. Пушкинъ и въ юности своей, и въ первые годы мужества въ бесѣдахъ съ близкими ему обнаруживалъ и религіозность свою и свою доброту. И. И. Пущинъ, товарищъ Пушкина по лицей, говорилъ о Пушкинѣ: „Пушкинъ былъ доброе, даже нѣжное и по преимуществу любящее существо, но требовавшее, чтобы качества его души были отыскиваемы посторонними“ ¹⁶). Адамъ Мицкевичъ, польскій поэтъ, близко знавшій Пушкина, говоритъ: „Недостатки Пушкина, повидимому, зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ вращался, но что въ немъ было добраго, то проистекало изъ его собственнаго сердца... Онъ любилъ разсуждать о высокиихъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ“ ¹⁷).

Что Пушкинъ не любилъ выставлять на показъ свое доброе душевное настроеніе, видно изъ его писемъ къ близкимъ ему лицамъ. Получивъ извѣщеніе о страшномъ наводненіи въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1824 г., Пушкинъ писалъ брату своему Льву: „Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому либо несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума—ни словеснаго, ни письменнаго“ ¹⁸). Въ 1825 г., прочитавъ въ газетѣ, что одинъ слѣпой священникъ издаетъ переводъ „Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова“, А. С. Пушкинъ проситъ брата подписаться „на нѣсколько экземпляровъ“ ¹⁹). Для чего „на нѣскоько“? Для того, конечно, чтобы оказать помощь слѣпому священнику, но такъ, чтобы эта помощь не была замѣтна.

Въ письмѣ къ В. А. Жуковскому отъ 6 марта 1826 года Пушкинъ говоритъ: „Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей *политиче-*

¹⁵) Правосл. Обзорѣніе, 1887 г., мартъ. 544 стр.

¹⁶) Незеленовъ, А. С. Пушкинъ въ его поэзіи—1 стр.

¹⁷) Никольскій. Идеалы Пушкина, 21 и 48 стр.

¹⁸) Сочиненія Пушкина, 1446 стр.

¹⁹) Сочиненія Пушкина, 1449 стр.

скій и религиозный, я храню его про самого себя и не намъренъ
безумно противоричить общепринятому порядку и необходимости“²⁰⁾. Не ясно-ли, что Пушкинъ любилъ казаться не такимъ, какимъ
былъ, что въ немъ „вѣра внутренняя“ перевѣшивала скептицизмъ,
которому иногда онъ предавался, или лучше-личину котораго на себя
надѣвалъ.

Пушкинъ былъ по существу своей духовной природы человекомъ
врующимъ и глубоко набожнымъ. Въ 1822 году описываетъ онъ
дворецъ Татарскаго хана и вотъ какую картину рисуеть предъ гла-
зами читателя:

„И мнится“, говоритъ онъ: „что въ жилищѣ Маріи (плѣнни-
цы хана), гдѣ позволено ей быть одинокой, гдѣ она плачетъ и гру-
ститъ „полная глубокой вѣры“,

„Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой—
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ...
И между тѣмъ какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ“²¹⁾.

Такая святыня привела въ изумленіе Грузинку Зарему, одну изъ
плѣнницъ хана:

„Она вошла, взираетъ съ изумленьемъ,
И тайный страхъ въ нее проникъ,
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ
И крестъ, любви символъ священный...
Спорхнувшій съ неба, сынъ Эдема,
Казалось, ангель почиваль...
Увы, Зарема, что съ тобой?
Стѣснилась грудь ея тоской,

²⁰⁾ Сочиненія Пушкина, 1490 стр.

²¹⁾ Сочиненія Пушкина, 74 стр.

Невольно клонятыя колѣни,

И молитъ: „сжался надо мной“ ²²).

Передъ Марією—ея вѣрою и чистотою—преклоняются и ханъ Гирей, и Грузинка Зарема, а вмѣстѣ съ ними преклоняется и самъ поэтъ, нарисовавшій въ лицѣ Маріи образъ вѣры и чистоты.

Изобразивъ чистое, уединенное жилище Маріи, Пушкинъ представляетъ поэтическое сравненіе:

„Такъ сердце, жертва заблауждений,

Среди порочныхъ упоеній

Хранитъ одинъ святой залогъ,

Одно божественное чувство“ ²³).

Въ годовщину смерти Байрона А. С. Пушкинъ отправился въ Святогорскій монастырь и заказалъ тамъ обѣдню и панихиду по бояринѣ Георгіѣ. Поэтъ поступилъ вполнѣ серьезно, сознательно. Въ письмѣ брату (отъ 7 апр. 1825 г.) онъ пишетъ: „Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна также, и въ обѣихъ церквахъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта“ ²⁴).

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому Пушкинъ писалъ: „Нынѣче день смерти Байрона. Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой полъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія Георгія“ ²⁵). Тонъ писемъ и участіе въ заказываніи обѣдни Анны Николаевны Вульфъ исключаютъ всякія сомнѣнія въ серьезности поступка „Шутилъ ли онъ при этомъ?“ —спрашиваетъ Преосвященный Никаноръ. „Шутилъ, издѣвался очень часто, но не здѣсь“ ²⁶), отвѣчаетъ тотъ же Архипастыръ.

Религіозные обычаи русскаго народа дороги сердцу великаго народнаго поэта, о чемъ свидѣтельствуешь одно изъ раннихъ его стихотвореній—(1822 г.): „Птичка“.

„Въ чужбинѣ свято наблюдаю

Родной обычай старины:

На волю птичку выпускаю

²²) Сочиненія Пушкина, 75 стр.

²³) Сочиненія Пушкина, 74 стр.

²⁴) Сочиненія Пушкина, 1459 стр.

²⁵) Сочиненія Пушкина, 1459 стр.

²⁶) Православн. Обзорѣніе, 1887 г. мартъ, 543 стр.

При свѣтломъ праздникѣ весны.
 Я сталъ доступенъ утѣшеню;
 За что на Бога мнѣ роптать,
 Когда хотъ одному творенью
 Я могъ свободу даровать“²¹⁾).

Находя утѣшеніе въ вѣрѣ, Пушкинъ и другихъ учить вѣрѣ и смиренію:

„Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись!
 Въ день унынія смирись:
 День веселья, вѣръ, настанетъ“²²⁾).

II.

Религіозное настроеніе А. С. Пушкина, его глубокая вѣра и набожность, его уваженіе ко всему, что имѣетъ отношеніе къ религіи чаще, опредѣленнѣе и смѣлѣе выражаются въ произведеніяхъ зрѣлаго, разумнаго мужества, когда „виднѣя первоначальныхъ чистыхъ дней“ прояснились, когда поэтъ сталъ относиться къ нимъ сознательно, когда душа его прониклась ими насквозь.

Въ драмѣ: „Борисъ Годуновъ“ (1825 г.) рассказъ о пѣлебной и чудотворной силѣ св. Царевича Димитрія исполненъ глубокаго благочестія. Въ этомъ рассказѣ Пушкинъ умиляетъ насъ своимъ благоговѣйнымъ сочувствіемъ силѣ вѣры русскаго народа, самъ раздѣляетъ вѣру слѣпота пастуха въ благодатную, исцѣляющую силу святыхъ мощей, ибо такихъ мыслей, чувствованій и словъ, съ какими повѣдано поэтомъ совершившееся чудо въ Угличѣ, не нашлось бы въ маловѣрующемъ, равнодушномъ и сомнѣвающимся сердцѣ.

Патріархъ обращается къ царю Борису съ слѣдующими словами:

„Благословенъ Всевышній, поселившій
 Духъ милости и кроткаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей, великій государь....
 Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
 Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
 Благословилъ на царскую державу—

²¹⁾ Сочиненія Пушкина, 576 стр.

²²⁾ Сочиненія Пушкина, 690 стр.

Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
 Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
 И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну“...

Далѣе патріархъ, со словъ пастуха, рассказываетъ о томъ, когда онъ ослѣпъ и какъ лѣчилъ свою слѣпоту.

„Разъ“, говорилъ пастухъ патріарху:
 „Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
 Мнѣ говоритъ: „встань, дѣдушка“, поди
 Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
 Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
 Богъ милостивъ— и я тебя прошу.
 Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
 Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
 И я теперь великій чудотворецъ.
 Иди, старикъ“.—Проснулся я и думалъ:
 Что-жь? Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Богъ
 Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
 Пойду—и въ путь отправился далекій.
 Вотъ Углича достигъ я, прихожу
 Въ святой соборъ и слушаю обѣдню
 И, разгорячась душой усердной, плачу
 Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
 Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
 Когда народъ сталъ выходить, я внуку
 Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 Царевича Димитрія. И мальчикъ
 Повелъ меня—и только передъ гробомъ
 Я тихую молитву сотворилъ,
 Глаза мои прозрѣли: Я увидѣлъ
 И Божій свѣтъ, и внука, и могилку“.
 Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.
 Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, что многіе страдальцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой царевича доски“ ²⁹⁾.

²⁹⁾ Сочиненія Пушкина, 403 стр.

Читая этотъ разсказъ, забываешь, что онъ сочиненъ свѣтскимъ лицомъ, и думаешь, что говорить это старецъ-отшельникъ, посвятившій всю свою жизнь богомыслию.

Глубокая вѣра Пушкина, искреннее преклоненіе передъ Всевышнимъ Богомъ ярко выступаетъ въ одной изъ пѣсенъ: „Полтава“ (1828). Во второй пѣснѣ поэмы: „Полтава“ мы видимъ страдальца за родную землю Кочубея, приговореннаго гетманомъ Мазепою къ смертной казни. Передъ смертью несчастный Кочубей думалъ о Богѣ, помышляя о принятіи святыхъ Таинъ Христовыхъ.

„Ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ... несчастный — Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей“ ³⁰⁾.

Описывая ужасныя минуты казни Кочубея, Пушкинъ опять обращаетъ взоры своихъ читателей на тотъ же священнѣйшій для человѣка предметъ — вѣру въ Бога. И тамъ, предъ топоромъ палача, она, одна она не покидаетъ человѣка.

... „По Кіевской дорогѣ
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,

³⁰⁾ Сочиненія Пушкина, 104 стр.

Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
 Какъ агнецъ, жребію послушный.
 Тельга стала. Раздалось
 Моленье ликовъ громогласныхъ,
 Съ кадилъ куренье поднялось.
 За упокой души несчастныхъ
 Безмолвно молится народъ,
*Страдалцы -- за враговъ*³¹⁾.

На какую высоту совершенства возносить насъ Пушкинъ этими стихами!... „Страдалцы молятся за враговъ“! Не напоминаетъ ли намъ это Евангельскую заповѣдь: „Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и *молитесь* за творящихъ вамъ напастъ“ (Мѳ. 5,44).

И Пушкинъ молился за враговъ. О польскомъ поэтѣ Мицкевичѣ, долгое время жившемъ въ Россіи, Пушкинъ говорить:

„Онъ между нами жилъ,
 Средь племени ему чужого; злобы
 Въ душѣ своей онъ къ намъ не питалъ;
 Мы его любили. Мирный, благосклонный,
 Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ

Дѣлились мы и чистыми мечтами, и пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко онъ говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся. Мы жадно слушали поэта. Онъ ушелъ на западъ—и благословеньемъ его мы проводили. Но теперъ нашъ мирный гость—намъ сталъ врагомъ и нынѣ въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной, поеть онъ ненависть: Издадека знакомый голосъ злобнаго поэта доходить къ намъ... *О Боже! возврати Твой миръ въ его озлобленную душу*³²⁾.

³¹⁾ Сочиненія Пушкина, 108 и 109 стр.

³²⁾ Сочиненія Пушкина, 616 стр.

И въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ выражаетъ Евангельскую истину о прощеніи обидъ и молитвѣ за враговъ.

Святое Евангеліе было близко сердцу великаго русскаго поэта; *Евангельскими истинами дышитъ поэзія Пушкина*; на св. Евангеліе онъ смотрѣлъ очами глубоко-вѣрующаго христіанина.

Въ 1829 году Пушкинъ возвратился съ Кавказа и вотъ какія мысли высказываетъ въ „Путешествіи въ Эрзерумъ:“ „Что дѣлать съ Черкесами?... Приобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудить ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: *проповѣданіе Евангелія*, но объ этомъ средствѣ Россія и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ нею несовмѣстно? Развѣ истина (Евангельская) дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракъ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ и не думалъ препоясаться и итти съ миромъ и Крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донинѣ свѣта истиннаго. Такъ-ли исполняемъ мы долгъ христіанина? Кто изъ насъ—мужъ вѣры и смиренія уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Азіи, Америки, Африки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ?... Кажется для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ по примѣру древнихъ апостоловъ.... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ“³³⁾).

Такимъ образомъ, св. Евангеліе заключаетъ въ себѣ истину, которая, по взгляду поэта, должна быть распространяема между народами, лишенными донинѣ свѣта истиннаго. „Евангеліе дивно“, пишетъ Пушкинъ П. Я. Чаадаеву³⁴⁾. Въ критической замѣткѣ на книгу: „Объ обязанностяхъ челоѣка“, Сильвіо Пеликко Пушкинъ такъ говоритъ о св. Евангеліи: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено къ всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни

³³⁾ Сочиненія Пушкина, 1221 и 1222 стр.

³⁴⁾ Сочиненія Пушкина, 1624 стр.

и происшествіямъ міра, изъ коей нельзя повторить ни одного выраженія, котораго не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ. Она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга эта называется Евангеліемъ, и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея Божественное краснорѣчіе... Мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приблизились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди небеснаго Учителя“³⁵⁾.

Какое благоговѣйное отношеніе поэта къ св. Евангелію! Какая вѣра въ проповѣдь Божественнаго Учителя, Господа нашего Иисуса Христа! Какая любовь къ ученію и словесамъ Его! Не было ни единого евангельскаго выраженія, котораго бы онъ не зналъ наизусть! Слѣдуетъ допустить, что великій русскій поэтъ, такъ восторженно отозвавшійся о св. Евангеліи въ 1836 г., изучалъ его и въ ранніе годы своей юности. Въ письмѣ къ брату своему Л. С. Пушкину отъ 25 августа 1823 г. А. С. Пушкинъ писалъ: „въ учителя не могу идти, хоть я знаю Законъ Божій“³⁶⁾. Въ письмѣ изъ Одессы отъ марта 1824 г. къ неизвѣстному лицу въ Москвѣ Пушкинъ писалъ: „Читаю Библію“ (а слѣдовательно и Евангеліе); святой Духъ иногда мнѣ по сердцу“³⁷⁾. Въ письмѣ къ брату отъ 4 декабря 1824 г. Пушкинъ высказываетъ сожалѣніе, что не привезли ему Библии: „Библия для христіанина тоже, что исторія для народа“³⁸⁾.

А. С. Пушкинъ читалъ Библію—книги Священнаго Писанія Вѣхаго и Новаго Завѣта, „погружался духомъ въ Божественное краснорѣчіе“ и библейскіе образы воплощалъ въ образахъ поэтическихъ. Такъ онъ написалъ: „Подражанія Пѣснѣ пѣсней“, „Юдиѣ“, „Пророкъ“ и др.

Въ 6-й главѣ книги пророка Исаи Пушкинъ прочиталъ: „И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ, и въ ружь своей имаше угля горящъ.. и прикоснулся устамъ моимъ и рече: Се прико-

³⁵⁾ Сочиненія Пушкина, 1339 стр.

³⁶⁾ Сочиненія Пушкина, 1421 стр.

³⁷⁾ Сочиненія Пушкина, 1431 стр.

³⁸⁾ Сочиненія Пушкина, 1446 стр.

снуса сіе устнамъ твоимъ, и отыметъ беззаконія твоя и грѣхитвоя
очиститъ. И слышахъ гласъ Господа глаголюща: иди и рцы людемъ
симъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и видяще узрите и не уви-
дите“³⁹⁾. Этотъ „отрывокъ“, говорилъ Пушкинъ, меня внезапно по-
разилъ; онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью, я
написалъ свое стихотвореніе „Пророкъ“. Я всталъ, чтобы написать
его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ“⁴⁰⁾. Благород-
ная душа поэта всегда и въ пору юношескихъ увлеченій стремилась
къ высшему, томилась „духовною жаждою“. Встрѣтившійся ему на
пути жизни чистый Серафимъ внесъ свѣтъ въ его душу; далъ про-
зрѣніе его духовнымъ очамъ, чуткость слуху, пламень вдохновенія
его сердцу и чистоту помысламъ его. Переродившись духовно, Пуш-
кинъ понялъ великое назначеніе поэта—быть послушнымъ велѣнію
Божію: „глаголомъ жечь сердца людей“.

„Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился;
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,—
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,

³⁹⁾ Пр. Исаіи, 6 гл., 6—9 ст.

⁴⁰⁾ Русскій Паломникъ 1899 г., № 18, стр. 334.

И сердце трепетное вынулъ,
 И угля, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трупъ въ пустынь, я лежалъ,
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
 Исполнись волею Моей,
 И обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей“⁴¹⁾.

Хотя и послѣ этого обновленія находили иногда на поэта „минуты душевной невзгоды“ и изъ-подъ его пера выходили такія стихотворенія, какъ: „Даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана“⁴²⁾, все-таки Пушкинъ послѣ того, какъ пройдетъ накипь сердечная, уймется желчь, опять вѣщаетъ слова любви, примиренія, всепрощенія и молитвы.

Въ отвѣтъ на стихотвореніе Пушкина „Даръ напрасный“, Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ написалъ стихотвореніе:

„Не напрасно, не случайно
 Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
 Не безъ воли Бога тайной
 И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
 Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
 Душу самъ наполнилъ страстью,
 Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забытый мною,
 Просіяй сквозь сумракъ думъ,
 И созиждется Тобою
 Сердце чисто, правый умъ“⁴³⁾.

Прочитавъ такіе назидательные стихи глубокомысленнаго Архипастыря, А. С. Пушкинъ смирился. Умиленіе проникло въ его благородную душу, расположенную ко всему доброму и святому; вмѣсто разочарованія, вмѣсто мрачныхъ думъ и чувствъ, онъ ощутилъ „священный ужасъ“ въ своемъ сердцѣ. Въ отвѣтномъ Мирополиту Фи-

41) Сочиненія Пушкина, 479 стр.

42) Сочиненія Пушкина, 508 стр.

43) Рус. Христом. Филонова, ч. 2-я, изд. 4-е 147 стр.

ларету стихотвореніи Пушкинъ писалъ:

„Въ часы забавъ иль праздной скуки,
 Бывало, лирѣ я моей
 Ввѣрялъ изнѣженные звуки
 Безумства, лъни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
 Невольно звонъ я прерывалъ,
 Когда твой голосъ величавый
 Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
 И ранамъ совѣсти моей
 Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
 Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
 Мнѣ руку простираешь ты
 И силой кроткой и любовной
 Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
 Отвергла мракъ земныхъ суетъ
 И внемлетъ арфѣ Серафима
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ“⁴⁴⁾.

Внимая „арфѣ Серафима“, поэтъ говорить въ стихотвореніи 1830 года „Мадонна“, что онъ „въ простомъ углу своемъ средь медленныхъ трудовъ“ одной картины желалъ бы быть вѣчнымъ зрителемъ, —

„Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ
 Пречистая и нашъ Божественный Спаситель —
 Она съ величьемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ,
 Взирали, кроткіе, во славъ и въ лучахъ,
 Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона“⁴⁵⁾.

Въ 1833 году Пушкинъ въ стихотвореніи „Странникъ“⁴⁶⁾ высказываетъ желаніе „скорѣе узрѣть спасенія узкій путь и тѣсныя врата“⁴⁶⁾.

(Продолженіе будетъ).

Преподаватель Тифлисской Духовной Семинаріи А. Альбовъ.

⁴⁴⁾ Сочиненія Пушкина, 480 стр.

⁴⁵⁾ Сочиненія Пушкина, 606 стр.

⁴⁶⁾ Сочиненія Пушкина, 223 стр.

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е.

Новыя изданія П. П. СОЙКИНА.

Съ требов. обращ. СПб. Стремянная, № 12.

1., КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ВЪ ДВѢ
ЧАСТЯХЪ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО
ДУХОВЕНСТВА.

около 500 стран.

Часть I—календарная, съ чистыми листками почтовой бумаги для записи на каждый день, въ мягкомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ карандашемъ и грифельною доскою.

Часть II—заключаетъ рядъ тѣхъ церковногражданскихъ узаконеній и распоряженій, съ которыми духовенство наше по своей практикѣ встрѣчается наиболѣе часто. Въ приложеніи дается рядъ циркулярныхъ указовъ Святейшаго Синода, относящихся къ брачнымъ и судебнымъ дѣламъ, и извѣстный, составленный покойнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, „чинъ погребенія архіереевъ и священниковъ въ Пасху“.

Для удобства пользованія, книжка снабжена детально составленными алфавитнымъ указателемъ, оглавленіемъ и перечнемъ (въ концѣ) всѣхъ узаконеній и распоряженій по духовному вѣдомству, вышедшихъ за истекшій годъ.

Цѣна за обѣ части 1 руб. съ пересылкою. Выписывающіе за 1898 и 1899 г. платятъ за оба года 1 р. 50 к. съ перес.

Карманная справочная книжка на 1899 г. для православнаго духовенства не есть перепечатка предыдущаго изданія.

2., Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ Ѳ. Е. Шеляговскаго. Цѣна 25 коп. (160 стр.).

3., По слѣдамъ апостола Павла. Жизнь и дѣятельность св. Апостола языковъ. Съ картою путешествій. Соч. Шнеллера. Цѣна 25 коп. (232 стр.)

3—3

Содержаніе № 12—13-го: *Часть оффиціальная:* Высочайшія награды. Высочайшій рескриптъ. Высочайшее повелѣніе. Опредѣленія Святейшаго Синода. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Разрядные списки. *Часть неоффиціальная:* С л о в о. Пушкинскій праздникъ, въ Тифл. дух. Семинаріи Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Гермогенъ.*

Печатать дозволяется. Тифл., 30 іюня 1899 г. Ценз., прот. *Евставій Елиевъ.*

Типогр. Е. И. Хеладзе, Лор.-Мелик. ул., д. Квашветск. церкви. Телеф. № 648.